

Ветер сквозил под потолок через огромную дыру в стене, вальжино проплывал по комнате, перебирая скрипучие, висящие серпантином, полуотвалившиеся полосы обоев, и, наконец, разбежавшись, уносился через окно. Собачий холод. Днем тусклое солнышко все же разгоняется иногда до плюс десяти. Но при таком промозглом ветре это не помогает согреться. Гадский климат, но март еще не самый паршивый месяц в Грозном.

Сашка сидел на чем-то грязном, в выцветших желто-зеленых разводах бушлате, брошенном прямо на кучу битого кирпича, вывалившегося внутрь квартиры. Разложив на колене наклейки — вкладыши от жвачки, старательно обклеивал ими цевье Калашникова. И был так сосредоточен, так серьезен в этой детской забаве, что Варька невольно засмеялся:

— Серьезная коллекция у тебя! Только, смотри, нет никакой тематической линии, все подряд лепишь. Даже «Барби»!

— Да. Трофейный аппарат.

— Девчонка? — Варька даже перестал улыбаться, словно его безмятежность дала трещину, куда стало стремительно улетучиваться хорошее настроение.

— Наверняка, — равнодушно ответил Сашка и, оглядев розовые наклейки, добавил. — Школьница совсем, если судить по картинкам.

— Наверняка? — Варька подошел поближе. — Я думал, это твой личный трофей. Боевой.

— Да нет, — заулыбался Сашка, — я его у казаков на четыре гранаты выменял.

— А девчонка?

— Не знаю. Отстань! — Сашка встал и, ухватив автомат за ствол, поволок его к пыльной груде какой-то старой рухляди. Маленький, щуплый блондин в мешковатом камуфляже больше всего смахивал на старшеклассника на уроке НВП.

— Как ты думаешь, почему тебя Шварценеггером прозвали? — спросил его Варька, с трудом сдерживая улыбку, — может, того, погорячились?

— У меня воля очень сильная, — обернулся Сашка, — как у Шварца кулаки. Я всего в жизни добиваюсь, чего хочу. Школу закончил, железнодорожный техникум, из армии старшим сержантом пришел. В «контору» устроился работать, это тебе не в кочегарку наняться. А я всегда мечтал быть чекистом, как мой дядя Паша — вот, смотри, чего уже достиг.

— А курить который раз бросаешь? — съязвил Варька. — Шестой за этот месяц?

— Считаю, что бросил, последняя сигарка в пачке осталась. Слушай, дай-ка мне пилу, — он мотнул головой в дальний угол комнаты, — где-то там валялась.

Варька проследил за его взглядом и среди мелких, в щепку, обломков деревянного ящика заметил колочее, в ржавых чешуйках полотно ножовки, хищно скалившееся в потолок, словно копченая крокодилья челюсть, — на, держи.

Сашка закурил и, не оборачиваясь, протянул руку за пилой. Потом, прижав автомат коленом к исцарапанному грязному журнальному столику, начал осторожно отпиливать приклад.

— Зачем? — почему-то совсем не удивившись, спросил Варька.

— Модернизирую, — ответил Сашка сдавленным голосом, продолжая усердно пилить, стараясь увернуться и шурясь от попадающего в глаза дыма сигареты, — куда я с таким веслом. Был АК, стал АКМ.

— На хрена он тебе вообще сдался? — вздохнул Варька. — Что тебе, казенных стволов не хватает? Или тебе особый кайф — из трофея кого-нибудь завалить?

— Можно и так сказать, — Сашка выпрямился и с облегчением выплюнул сигарету, — у этого калибр больно хороший — 7,62 — любой броник прошибает на раз. И, снова склонившись над ножовкой, прогрызшей уже половину приклада, добавил:

— Вещь старинная, цены немалой, бабкино наследство.

— Скорее, внучкино. Девку-то видел?

— Какую девку? Школьницу? Нет, не видел. Если жива осталась после допроса — увезли уже, наверно.

— Отпустят?

— Да с хренов ли? Казаки никого не отпускают, по крайней мере, просто так. А тебе-то что за дело?

— Ну, так, интересно.

Сашка выпрямился, отбросил в сторону обрезок облезлого, с остатками лака на прожилках, приклада и сказал с улыбкой:

— Бабы у тебя давно не было, Варька. Вот и все. Интересно ему! Найди себе коханочку и успокойся.

— Где, здесь?

— Не дай бог! Я тебе не про здесь, но про сейчас. Напиши кому-нибудь, позвони — обнови отношения, и служба веселей пойдет. У меня дома, в Благовещенске, знаешь, сколько баб было? Хочешь, поделюсь, познакомлю?

— Не знаю даже. Да ну, у вас там одни китаезы. Слушай, а будешь у казаков — узнай про школьницу, ладно? — Варька развалился на пыльном грязно-белом кожаном диване, сложив ноги на рваный подлокотник.

— А сам?

— Не-е, не люблю я этих ряженных. Дикошарые они какие-то. Никогда не знаешь, где с ними в разговоре нарвешься. И понеслось: «Да ты сам хуже чечена! Ты родину не любишь, тот хоть за нее свою кровь проливает, а ты — за бабки паршивые! Знаешь, что Грозный казаки основали — это наш город!» И за пистик хватается.

— Это да, — согласился Сашка, — дикошарость у них в чести. Вдумчивых и спокойных не любят, те дома остались, а эти... добровольцы, одно слово — «мамбеты». Но я с ними без проблем, отлично лажу.

— Ушами отрезанными не хвастаются? Скальпами с ними не меняешься?

— Да пошел ты, я хоть не быкую перед каждым дураком. Особенно, если он вооружен.

Сашка вставил магазин в новую игрушку Калашникова и передернул затвор.

— Короче, я до витру отлучусь на пять минут. Ты бумагой случайно не богат?

Варька кивнул на россыпь книг под висящей на одном гвозде книжной полкой:

— Воспользуйся местной библиотекой, своих читателей, думаю, она уже безвозвратно потеряла.

Сашка, не глядя, взял с пола первую попавшуюся книжку и, вырвав из середины пачку листов, взглянул на первый и по слогам прочитал:

— Ма-ма мы-ла ра-му, — и немного сконфужено добавил, — ну, это им точно уже не пригодится. Можно пользоваться.

— Если тебе не запахло родным букварем задницу подтирать — пользуйся, — усмехнулся Варька.

— Умешь ты, блин, — разозлился Сашка, — создать настроение. Мне что, Коран искать, если посрать приспичило? Или таблицы Брадиса? Ты давай, смотри тут за двоих, пока я буду временно беззащитен и уязвим.

— На толчке с автоматом? Да ты на любой шорох палить начинаешь, — крикнул ему вдогонку Варька, — чем ниже штаны, тем выше инстинкт самосохранения.

Варька полежал еще несколько секунд, молча глядя в потолок, перевернулся на бок и с неохотой встал с дивана. Отряхивая с боков серую пыль, пересел на край стола и пододвинулся поближе к разбитому окну, спрятавшись за грязно-желтой шторой.

В городе до сих пор беспокойно, порой как неожиданно вспыхивают, так и обрываются короткие ожесточенные перестрелки. А пейзаж почти везде одинаков — серые, словно поседевшие от горя, покореженные здания, стыдливо припорошившие пылью следы пожаров. Прореженная стена дома напротив напоминала зубы неудачливого боксера. Но, несмотря на обманчивую необитаемость, жизнь ни на минуту не прекращается в этих, кажущихся брошенными, лабиринтах квартир, подъездов, дворов незнакомого, чужого и страшного города.

Порыв ветра опять принес тот запах, ставший уже постоянным ароматом этого проклятого места. Горечь пожара, приправленная кислоткой пороха со сладковатым привкусом мертвечины. К нему сначала, кажется, невозможно привыкнуть, но спустя время, уже по ту сторону Кавказских гор, от него сложно отвязаться. Так начинает пахнуть твой двор, твоя комната, твой шкаф. И, даже садясь в до последней царапины знакомый автобус, ты продолжаешь чувствовать аромат этого «чешского коктейля». Словно случайно притащил за пазухой в родной мирный дом бактерию беды — крупницу всех тех ужасов, пережитых сотнями незнакомых людей. Их крики и предсмертные судороги, их боль и отчаяние растворились в воздухе без следа, но запах, вобравший в себя энергетику сотен, тысяч смертей, запах этот никуда не денется. Позже он ослабеет и, вытесненный свежим порывом новой жизни, потихоньку улетучится. Но унесет с собой и острую волнительную пряность, сделав жизнь проще, обыденнее и преснее.

— Варька! — крикнул из другой комнаты Сашка. — Живой? Снимаемся, скоро на сутки заступать.

* * *

Самая тоска накрывала по вечерам. Комендантская служба в управе ФСБ не сложная, отстоял сутки — двое свободен. Отоспался, а дальше — пустота. Варишься в кубрике общежития вместе с другими такими же бедолагами. Пять этажей бывшей гостиницы забиты командированными чекистами, от полковника до сержанта — все вперемешку. Ну, выпьешь, ну, пульку распинешь, видик посмотришь. Днем еще можно упасть кому-нибудь на хвост, в город с операми съездить, а вечером и носа не высунешь за дверь. Зато всегда было тепло, даже жарко — хоть форточек практически и не закрывали.

Варька лежал на своем втором ярусе поверх одеяла, задрал ноги на серую железную спинку кровати, и рассеяно изучал облезлый потолок. Синеватые подпалины, белые разводы, выпуклости и впадины — словно разглядывал снежное поле с вертолета. Снега — вот чего ему сейчас очень захотелось, да так сильно, что даже показалось, как с потолка потянуло холодком. Так бы и прыгнул в это поле, нырнул с головой, зарылся лицом в белоснежные барханы снежинок. Никогда не думал, что будет

когда-либо с нежностью вспоминать родную уральскую зиму. Заваленный снегом лес, расчищенная тропинка от дома к бане на даче, пушистые и уютные сугробы у предбанника. Выскочил из бани и рухнул на свежую снежную перину. Первые секунды холода не чувствуешь, мягко и тепло. Но все же при минус двадцати в сугробе долго не повалешься, и когда бежишь обратно, мокрые ноги уже липнут к деревянному крыльцу. Будто бы зима не хочет отпустить так легко доставшуюся ей добычу, стремясь замедлить, задержать, вернуть обратно и навеки прогresti голого человека под снежной целиной.

— Скажи, прапор, а почему ты Варька? — подал голос с нижней койки только вчера заселившийся в общагу лысоватый крепыш из Белгорода, назвавшийся Усохом. А так как Варька не ответил, поднял ноги и начал слегка покачивать верхнюю сетку. — Спишь, что ли? Что за бабское прозвище?

— Варфоломей, — ответил тот в потолок. И, неожиданно оживившись, свесив голову вниз, раздраженно продолжил, — а ты вот что за птица — «Усох»?

Лысый примирительно заулыбался, сел на кровать поудобней, подоткнув под спину подушку и подобрав под себя ноги в белых носках.

— Это еще с Афгана пошло. Хочешь, расскажу? — и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Стояли мы в одном кишлаке. Нормально, хорошо стояли, и что главное — население мирное и малочисленное.

И вот в одно прекрасное утро мы вдруг заметили, что люди исчезли. На улице никого, прошлись по домам — пусто. Мы запаниковали, страшно стало — ждали какого-нибудь смертоносного удара по кишлаку. Заняли круговую оборону и сидим. Возвращаются наши разведчики — все колодцы пусты, вода ушла. Слушаешь или опять уснул?

— Слушаю, рассказывай дальше! — Варька перелег на самый край сетки, свесив голову вниз.

— Короче, командир приказал сниматься и уходить, — Усох довольно заулыбался, чувствовалось, что это его любимая история, — но оставил трех человек ждать колонну, которая должна пройти через два дня. Нас было трое: какой-то плюгавый "дедок", «черпак» Миша с Кишинева и я, молодой сержант, только в апреле пришедший из ашхабадской учебки. Оставили нам сухпай, воды на три дня и отчалили. Короче, вся служба свалилась на меня, как ты понимаешь, — врут, что там не было дедовщины. Еще какая была! Спал по три часа в сутки. А колонна не пришла, ни через два дня, ни через три. Воды почти нет, да и еда на исходе. Просыпаюсь как-то на четвертый день, а вокруг тишина — сослуживцы мои сбежали, прихватив всю жратву и оставшуюся воду. А я остался — уходить некуда, да и как пойдешь без воды. И колонну, кстати, дождался, но только на десятый день.

— Как это возможно? — удивился Варька. — Человек больше трех дней без воды не протянет.

— Человек, может, и не протянет, а советский воин — должен. Башка болела без перерыва, язык распух. Под конец уже ничего почти не соображал, да толком и не видел. Отпоили, откормили, оживили. А тех уродов, что меня бросили, так и не нашли — записали пропавшими без вести во время боевой операции. С тех пор меня «Усохом» и прозвали. Нормально, я не возражал, — героическое прозвище. А через полгода после этого случая перебросили меня в Кандагар, в 70-ю бригаду — в самую жопу Афгана, к пакистанской границе...

Вдруг в коридор, с грохотом опрокинув деревянный табурет, с горой автоматных магазинов, ворвался дежурный:

— Сашку Шварценеггера убили, — прокричал он срывающимся голосом. На секунду все замерло вокруг, звуки застыли хрустальной тишиной. А потом все разом зашумели, затопали, заговорили и, повыскакивав из кубриков, ринулись куда-то бежать. Варька, как услышал, так и ухнул вниз, одной рукой держась за край панцир-

ной сетки, намереваясь попасть босыми ногами в тапочки, но попал по Усоху, который тоже, повинувшись стадному инстинкту, вскочил, но, получив по шее Варькиными ногами, завалился обратно на койку.

— Какого Шварценеггера? — растеряно спросил он Варьку, но тот, ничего не замечая вокруг, покосился к дневальному.

На первом этаже, в фойе седой упитанный прапорщик Володя Берг растеряно смотрел на окруживших его бородатых сослуживцев и, будто отвечая на незадаанные вопросы молчащих людей, говорил без умолку, в довольно нелепой, но удивительно подходящей к его бакенбардам и настоящему пенсне манере дореволюционных господ-офицеров:

— Я решительно ничего точно не знаю, господа. Позвонили казаки, да. Сообщили, что вашего Шварценеггера подстрелили. Виноват, господа, — нашего. Только тот вышел с сигаретой на крыльцо, и сразу упал. Пока еще ничего наверняка не известно, давайте сохранять спокойствие. Был всего лишь один звонок от казаков, господа. Решительно не понимаю, как можно ночью курить на улице? Дежурный наряд уже выехал, но пока ничего не сообщали. Прошу вас, господа офицеры, без эксцессов, — и, окинув всех умоляющим взглядом, продолжил, — хотя бы не в мое дежурство.

Варька подумал, что сейчас у него земля под ногами должна расколоться и обрушиться, утягивая его в бездонную пропасть отчаяния. Но ничего этого не произошло. Его лишь охватила глубокая обида на друга. Так глупо, так глупо подставиться. Бросить его одного на этой враждебной земле, среди чужих неприветливых людей. Он так разозлился, что с большим удовольствием вмазал бы Сашке, если бы только мог.

Толпа медленно редела, плотное кольцо людей вокруг Берга таяло, распадаясь на отдельные фигуры, разбредающиеся в разные стороны. Спустя минуту около него остался только Варька.

— Чаю хочешь? — неожиданно спросил его Берг. — С коньяком, а? — И понизив голос, добавил: — С армянским!

Варька молча смотрел на прапорщика, не только не слыша, но и даже не видя его. Тот, потоптавшись несколько секунд, развернулся и почти неслышно ушел.

«Чертюва девка, — думал Варька, — вот на кой хрен она мне сдалась? Пусть хоть на ломти ее порубают, вот вообще нисколько не жалко. Это все оттого, что я размяк. Приехал на войну, значит, жалость и сочувствие, если хочешь вернуться назад, должен оставить дома.

Мысли в его голове торопились, натывались друг на друга, спутывались. Он впал в какое-то странное состояние, словно очутился в параллельной реальности. Вдруг отчетливо услышал, как тикает время, хоть во всем здании не было ни одних настенных часов. Но он внятно, остро до боли, вполне осязаемо почувствовал каждую проскакивающую через его сердце секунду. Свою собственную, неповторимую, но и абсолютно никому не нужную. Она появлялась откуда-то позади сердца, полная предвкушения радости и удовольствия жизни, но проходя через Варькину душу, серела, мрачнела и, разочаровавшись, выскакивая прочь, гасла с презрительным шипением, как уголек, упавший в воду.

* * *

Варька скорее почувствовал и представил, чем услышал, как во двор заехала машина. Короткой очередью хлопнули двери. Несколько человек, позвякивая амуницией и негромко переговариваясь, подошли к подъезду. Для уехавшего на место Сашкиной гибели наряда было слишком рано, хорошо, если до утра управятся. Наверно, вернулись припозднившиеся опера.

Варька не выдержал и, развернувшись, направился прочь по коридору. Он не хотел никого сейчас видеть, чувствовать на себе сочувственные и виноватые взгляды, слышать разнообразные версии гибели друга. Конечно, этого не избежать, но он хотел хотя

бы ненадолго, насколько возможно, оттянуть этот момент. Сашка был для него еще живым, попавшим в какую-то передрыгу, но живым. Хотя прекрасно понимал, что сигарета в ночи — это подарок для снайпера, и после таких выстрелов не выживают.

Он уже был в дальнем конце длинного коридора, когда люди шумно ввалились вовнутрь.

— Варька, Варька! — они нетрезво закричали, видимо, заметив и узнав его уплывающую в полумрак спину.— Постой!

Тот, наоборот, прибавил шага, но что-то странными ему показались их голоса, не чувствовалось в них ни трагизма, ни даже грусти, лишь какая-то матерно-пьяная разухабистость. Он остановился и, привалившись спиной, принялся разглядывать отвратительно масляно-блестящую поверхность противоположной стены неширокого коридора.

— Да куда ты, постой,— голоса неминуемо приближались. Но Варька даже головы не повернул, так и стоял, уставившись в одну точку. На него накатила какая-то смертельная усталость и равнодушие ко всему на свете такой силы, что, услышав сейчас боевую тревогу, запросто мог бы пробраться в дальний угол и лечь там на куче бушлатов спать.

— Ты чего грустный такой? — спросил Пашка, то ли по прозвищу, то ли по фамилии Воробей, шутя толкнув его в плечо стволом автомата.— У человека день рождения, а ты трезвый?

— У кого, у тебя? — автоматически ответил Варька, даже не услышав своего голоса.

— Во даешь, да у Сашки же Шварценеггера, че, не слышал разве?

Медленные, текучие мысли в голове Варьки вдруг встрепенулись, вздыбились и понеслись, вполне ощутимо сталкиваясь, разбегаясь и снова сталкиваясь, да так больно, что он невольно поморщился. «Еще не знают»,— мелькнула первая, «Перепутали, у Сашки — осенью»,— подоспела вторая. «Нажрались и пошутили» — с опозданием пришла третья. Остальные бились и вертелись в голове, как соскучившиеся по матери щенята — да так резво, что ни одной не ухватишь.

— Где именинник? — упавшим голосом спросил Варька.

— Не именинник,— поправил его пышущий жаром, потом и алкоголем боец,— а новорожденный. Да вон несут.

Варька повернул голову и увидел двоих, довольно нетвердо стоящих на земле незнакомцев, с двух сторон поддерживающих окровавленного Сашку.

— Ранен,— просипел Варька и сделал два неуклюжих шага в его сторону.

— Нет,— ответил Пашка,— пьян в стельку. Ну и ранен, конечно. Не кетчупом в шашлычной облился. День рождения отмечаем. Второе. Нормально. У меня, например, их трое.

Варька подошел к Сашке, тот даже немного похрапывал, бессильно свесив голову набок.

— Эй,— потрясли его сопровождающие,— слезайте, князь, приехали.

Сашка потряс головой, разгоняя пьяное мутное сновидение, с некоторым усилием оторвался от помощников, выпрямился, сделал несколько неуверенных шагов к Варьке.

— Убить, гады, хотели,— сказал он, счастливо улыбаясь,— но только нос отстрелили. Во, самый кончик, как рубанком сняло. Прикинь, мазилы, по сигарете промахнулись.

Варька по-прежнему молча, словно новыми глазами смотрел на Сашку, который на секунду показался ему совсем другим человеком, каким-то чужим бомжеватым стариком, лишь отдаленно напоминающим потерянного друга. Тот рассмеялся и опять превратился в пьяного подростка в окровавленном тельнике, с грязно-белым пластырем на носу, но живого и веселого.

— Идиот, — только и промолвил с облегчением Варька.

— Сам знаю, — трезвея, ответил Сашка, — ты же меня просил к казакам смотаться.

— Идиот, — повторил Варька, — я про сигареты.

— А? Я уже бросил, вот хочешь, общи, — и похлопал себя по нагрудным карманам, — в этот раз уже окончательно.

— А что девка-то, узнал? — как можно более безразличным тоном спросил Варька

— Нет, прости. Забыл сначала, а потом не до того стало, сам понимаешь.

— Ладно, проехали, — с облегчением выдохнул Варька, подумав: а может и правда Сашкина жизнь зависела от этой малолетки. Стоило ей нарисоваться где-то на заднем плане — все пошло наперекосяк, а пропала — и жизнь вернулась в прежнее русло. — Пошли проставляться, новорожденный, — толкнул он Сашку в плечо, — народ тебя без водки сейчас просто разорвет.

— Ребята, водка у меня, — встрепенулся заскучавший Воробей и призывно побултыхал десятилитровой алюминиевой канистрой, — и в машине еще канистра кизлярского! — Но, увидев перекошенные отвращением лица вышедших на шум полудетых сослуживцев, добавил: — ну, коньяк — не основное блюдо, это так, чисто догнаться.

* * *

Уже под утро, когда даже самые жадные до спиртного забылись кратким, но чутким сном, и Варька в одежде и расшнурованных ботинках лежал бревном поперек чьей-то кровати, Сашка с зажатой в кулаке мятой сигаретой, с трудом переставляя ноги, пробрался в туалет. В полутемном сыром помещении было не так душно, хоть и крепко накурено. Он присел на корточки, прислонившись голой спиной к прохладному, грязно-белому кафелю. Попытался выправить мятую сигарету, но только порвал, попробовал склеить слюной, но получилось плохо — руки не слушались, дрожали то ли в нервном, то ли в алкогольном ознобе. Рассердившись, сломал сигарету и, сунув в рот половинку подлиннее, с удовольствием закурил. Обрывки мыслей, чувств, ощущений вертелись в его голове в каком-то непонятном, но ритмичном танце. Он был пьян и вполне счастлив. Смерть прошла совсем рядом, только прихватила своими жаркими пальцами за самый кончик носа, чуть было не утащив с собой. Сашка вдруг увидел себя со стороны: вот он валяется на крыльце с дыркой в голове, на смерть зажав в руке щегольскую зиповскую зажигалку, вот его везут через всю страну домой — цинковый ящик, полный растрясанного за тысячи километров пути тухлого мяса. Увидел рыжую могилу на пустынном кладбище на 17-м километре, увенчанную лакированным крестом, с притаившимся среди цветов, бликующим, как снайперская оптика в зеленке, стаканом, прикрытым ноздреватым куском хлеба.

— Фу! — он помотал головой, пытаясь согнать наваждение. Настолько уж четко все представилось, так правдиво, что стало казаться — это и есть настоящая реальность. А он сам — что-то бестелесное и нематериальное, выброшенное сегодняшним выстрелом из действительности. Последняя искра жизни, блуждающая по коротящим электросхемам умирающего мозга.

Сашка подошел к умывальнику и засунул голову под струю холодной воды. Полегчало. Счастье, укрывавшее его до этого момента теплым уютным одеялом, стало возвращаться. Но что-то не пускало его накрыть Сашкину душу целиком. Словно кто-то держал уголок этого одеяла и даже потихоньку тянул его назад. И тут он вспомнил казачий лагерь и слова высокого рыжеватого парня, нарезавшего сало прямо на столе, среди эмалированных кружек, россыпи патронов и переполненных окурками консервных банок: «Что, ты, милай, — сказал он улыбаясь, — какая девка? Захирка?! Да ее Калинин с Антоном еще вчера закопали...»